

7 декабря исполнилось сто лет со дня рождения одной из старейших жительниц села Атемар Анне Степановне Сильновой. Несмотря на преклонный возраст и мучающие ее недуги, женщина до сих пор сохранила ясную память, в которой запечатлены многие события из жизни односельчан.

Накануне ее юбилея наш корреспондент Елена Севастьянова побывала в гостях у Анны Степановны и ее близких.

Отца своего Анна (в девичестве Юршева) никогда не видела. Когда его в 1916-м мобилизовали на войну, ее мать, Ксения Игнатьевна (в девичестве Поликарова), еще только ждала ребенка. Отец погиб, так и не увидев дочери. Долгое время Анна считала, что она была первым ребенком у родителей, но однажды ее сын Владимир наткнулся в районном архиве на запись в книге регистраций актов рождения, где черным по белому значилось: «Анна Степановна Сильнова, 1913 года рождения». Увиденное несказанно удивило, ведь Владимир знал, что мать родилась в 1914 году. Может ошибка? Нет, оказывается, у Степана и Ксении была старшая дочь, но она умерла в младенчестве, и мать назвала вторую дочку тоже Анной.

В целом же семья Юршевых была многочисленной – тридцать три человека, жили на три избы, но держались все вместе. Арендовали землю, лошади были, коровы. Не голодали. Мать масло спахтает, яиц наберет, мел насушат на продажу – его в городе разбирали быстро на побелку, и идут в Саранск на базар. Продадут все – вот и копейка в доме. Да только на базаре в те времена ухо следовало держать остро. Анна Степановна хорошо запомнила, как наловчились городские воришки отбирать у селян припасы: незаметно подкрадутся сзади, ущипнут за ногу. Женщина от неожиданности обернется, а тут другой воришка – цап, и нет продуктов.

Получив похоронку на Степана, Ксения Игнатьевна вышла замуж второй раз за Дмитрия Сухарева, вдовца с тремя детьми – одной, без крепкой мужской руки, тяжело было управляться с хозяйством. Жили бедно, хоть и трудились в поте лица. Тут коллективизация. Несмотря на тяжелое положение, Дмитрий отказался вступать в колхоз. За что не раз потом поплатился. Анна Степановна до сих пор помнит, как однажды вечером к ним нагрянули «товарищи», изымать «излишки». Да вот только в нищей крестьянской избе и брать-то было нечего. Нашли лишь несколько горсток пшена, спрятанных в русской печке, в горшке, и те забрали. Не помогли ни просьбы, ни слезы матери, пытавшейся объяснить, что это последнее и ей нечем будет кормить детей... Повзрослев, Анна вышла замуж за односельчанина – погодка Сергея Ефимовича Сильнова. С мужем жили душа в душу, но, видно, самой судьбой ей была уготована

череда тяжелых испытаний. Одного за другим двух сыновей схоронила. Один умер в младенчестве. Второй малыш рано пошел – в восемь месяцев. И тут досужие кумушки: «Ох, Анна, примета больно не хорошая, что он так рано ходить начал! Не жилец малый твой». Анна баб не слушала, сынишку, кровиночку свою, оберегала, как могла. Да не помогло – малыш, разыгравшись, упал с лавки. Сильно ударился головой, от того и помер вскорости...

- Ничего, Анюта, увидишь, все наладится, - увещевал безутешную мать Сергей. – Будут у нас еще детки.

Так и получилось. Но судьба вновь нанесла жестокий удар. Анна вновь ждала ребенка, когда началась Великая Отечественная. Мужа на фронт забрали прямо с поля в первый же день войны. Так на своем тракторе и ехал до военкомата. Трактор потом вместе с другой техникой куда-то отправили, а Сергей вскоре оказался на передовой. Воевал как должно, но когда их часть находилась в Литве, попал в плен к немцам. Два раза пытался бежать. Оба раза ловили и, примерно наказав, бросали все в тот же дощатый барак. Лишь в конце войны, уже в Германии, Сергея Ефимовича вместе с другими пленными освободили англичане.

После многочисленных проверок и перепроверок вернулся домой, да ненадолго. Вскоре его вновь мобилизовали и отправили на Дальний Восток. Правда, в боевых действиях там участвовать не пришлось. Три года провел в Соликамске и лишь потом смог вернуться к семье.

Анне во время войны тоже досталось. Семья мужа, где она жила, была бедной. Жили все вместе: родители, Ефим Иванович и Анна Петровна, сын Николай, дочь Ольга да Анна с сынишкой Володей, родившемся в сентябре 1941-го. Ольгу отправили на торфозаготовки, Николая – на фронт, а Ефима Ивановича – на трудовой фронт. Куда именно, Анна Степановна не помнит. Знает только, что условия там были тяжелые, люди мерли от болезней и недоедания. Раз Ефима тоже посчитали умершим, сбросили в общую могилу к остальным покойным, да он через какое-то время очнулся и чудом сумел выбраться. Добрался сначала до железной дороги, потом на попутке доехал до Атемара и слег. Долгое время лежал на печи, ни ходить, ни сидеть... Отпоили его отварами трав целебных, все же поставили на ноги. То-то радости было! Ефим и в лес с женщинами начал ходить, все мужской голос слышится, спокойнее. В Атемарском лесу тогда полно дезертиров было, поэтому за грибами да ягодами или в город ходили кучкой. Анна ходила с подругами: тетей Иришей Сильновой, Надей Качуриной, тетей Прасковьей Годуновой, Татьяной Орешкиной.

А уж как работали хоть во время войны, хоть в первые послевоенные годы – такого не забыть. Все вручную делали, молотили в восемь цепов, жали серпами. Зимой лед кололи для молокопункта. О декретном отпуске женщины и не слышали. Анна тогда на сносях была. После работы дошла до речки, окунулась в воду и – домой. А дома вечером младшего сына Алексея родила.

Как бы трудно ни приходилось, выручала сноровка. Анна Степановна всегда была проворной, работающей, все успевала: после работы в поле дома пряла пряжу, ткала, хлеб пекла. «Против меня никто не потягается, не сделает так же быстро!» - говорила своим. И эта энергия у нее сохранялась очень долго. В девяносто лет сама доила корову, возилась на огороде, все время спрашивала невестку и сына: «Чем еще помочь?» И вот тут судьба нанесла последний удар – трагически погиб младший сын. После этого Анна Степановна слегла – ослепла, ноги отнялись, и вот уже восемь лет лежит так в

доме старшего сына Владимира.

- Мы за многое благодарны матери, - говорит Владимир Сергеевич. – Она сильная и мудрая женщина. Сама неграмотная – учиться в школе не довелось, приложила все силы, чтобы дать нам образование. Всех внучат вынянчила, правнуков. А еще помню, как она умела устроить в доме праздник, даже, когда трудно жили. Особенно запомнилось, как мы раньше новый год отмечали. Елки тогда в домах в Атемаре не ставили, но украшали двор фонарями из соломы. Раскрасим их краской, они как новогоднее украшение. В консервную банку насыплешь золы, нальешь керосина – вот и «свеча». Придывали к банкам проволочные ручки и бегали с этими свечками по дворам. Научила мать нас и славить. Она вообще много старинных песен знает. На Рождество мы с двоюродным братом вставали в два часа ночи и шли славить, в основном, по дворам родственников бегали. Кто копейку даст, кто – две, а нам, детям, радость. Ходили слушать, как девушки поют. Они собирались в кельях при домах, так назывались небольшие комнатки. Пряли, рассказывали разные истории, туда же приходили парни с гармошкой. И так весело было! Простая, бесхитростная жизнь.

ЕЛЕНА СЕВАСТЬЯНОВА.